

«Вместо того, чтобы использовать теорию как слугу, мы сами становимся ее слугами»: Дэниэл Миллер о смартфонах и возрасте

Беседа Полины Колозариди

Перевод Елены Коровиной

Для цитирования:

Миллер, Д. (Автор), Колозариди, П. (Инт.), Коровина, Е. (Пер.). (2023). «Вместо того, чтобы использовать теорию как слугу, мы сами становимся ее слугами»: о смартфонах и возрасте. *Фольклор и антропология города*, V(1), 82–92. DOI: 10.22394/2658-3895-2023-6-1-82-92

Антрополог Дэниэл Миллер и его коллеги из разных стран проводили несколько крупных исследований о том, как люди взаимодействуют с социальными медиа и мобильными платформами. Полина Колозариди и ее коллеги из Клуба любителей интернета и общества занимались переводом онлайн-курса, основанного на исследовании Why We Post, проходившем в 2010-е годы. После этого Миллер с командой начали изучать приложения для здоровья и пожилых пользователей. В этом разговоре собеседники опираются на материалы исследования, которое еще длится. Но эти материалы уже позволяют поставить вопросы о том, насколько теории и телефоны состоят из метафор, и стоит ли верить в этнографию.

Urban Folklore & Anthropology T. 5. N 1. 2023

“Instead of treating theory as a servant we rather become its servants”: Daniel Miller on smartphones and age

An interview by Polina Kolozaridi

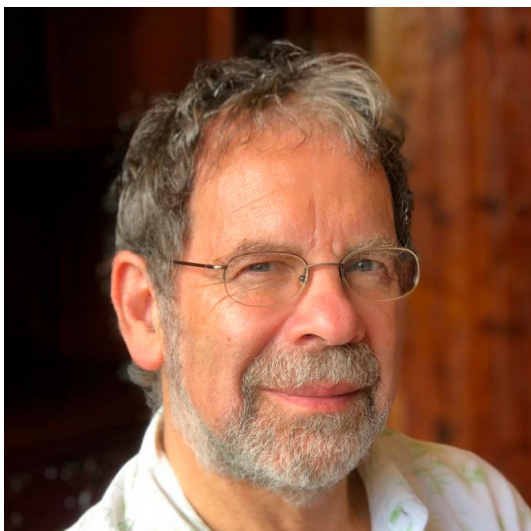
Tr. by Elena Korovina

To cite this article:

Miller, D. (Author), Kolozaridi, P. (Int.), Korovina, E. (Trans.). (2023). “Instead of treating theory as a servant we rather become its servants”: Daniel Miller on smartphones and age. *Urban Folklore & Anthropology*, V(1), 82–92. DOI: 10.22394/2658-3895-2023-6-1-82-92 (In Russian).

Anthropologist Daniel Miller and his colleagues from different countries have conducted several major researches on how people interact with social media and mobile platforms. Polina Kolozaridi and her colleagues from the Club for Internet and Society Enthusiasts worked on translating an online course based on the survey “Why We Post”, which took place in the 2010s. After that, Miller and his team began studying applications for health and elderly users. In this conversation, the participants draw on materials from an ongoing research project. However, these materials already raise questions about the extent to which theories and phones consist of metaphors, and whether ethnography should be trusted.

Материалы вашего проекта ASSA показывают, что вы сомневались чуть ли ни в каждой категории, с которой имели дело: «смартфоны», «люди среднего возраста» и «пенсионеры», «фотографии, на которых изображены пенсионеры» и т. д. Какие еще понятия мы должны переосмыслить?

◀ Я думаю, что одно из самых больших преимуществ антропологов в том, что они не обязаны соответствовать ожиданиям. Даже тем ожиданиям от наших исследований, которые мы сами вкладываем в наши грантовые заявки.

Сейчас мы исследуем пожилых людей, которые пользуются смартфонами. В этом проекте основная терминология начала отпадать по мере продвижения работы. Возьмем, к примеру, термин «смартфон» [от англ. *smart* — «умный», и *phone* — «телефон»]. Понятие предполагает наличие двух основных качеств: первое — это телефон, второе — он умный. К концу исследования мы подвергли критике оба эти понимания. Если под телефоном мы подразумеваем вещь, которую преимущественно используют для звонков, то я бы удивился, узнав, что это лишь 5% от того, для чего она действительно может быть использована.

Поэтому называть телефон телефоном и упускать 95% других его функций, помимо звонков — значит вводить в заблуждение. То же самое и с термином «умный». Обычно под ним подразумевается то, что мы бы назвали «top down» — идея технологического развития, которую мы представляем, например, как «умные города» и подобное им. Но особенность смартфона в том, что он позволяет трансформировать себя. Он практически способствует тому, что мы называем «smart from below», т. е. отзывается на запросы пользователей так, как предыдущие устройства не могли.

То же относится и к идее старения, так как мы предполагаем, что люди делятся на определенные категории: сначала они молоды, потом они становятся людьми среднего возраста и затем — пожилыми. Однако на некоторых сайтах люди пишут: «О, я думал, что когда мне стукнет 60, я буду [чувствовать себя] пожилым, но этого не произошло. Потом я думал, что это случится, когда мне будет 70, но это снова не произошло. Тогда я подумал, что это случится, когда мне исполнится 80, но это так и не произошло, поэтому старение означает нечто

совсем другое [не связанное с возрастом]». Идея старения как перемещения между различными возрастными группами, по сути, заменена чем-то, что мы ощущаем как непрерывность.

В нашем проекте мы также хотели развить прикладную сторону. По мере того, как люди взрослеют и стареют, смартфон может становиться все более важным для их здоровья. Так возникла огромная сфера «мобильного здоровья», по существу являющегося производным от специальных приложений для смартфонов, которые создавали люди медицинских профессий и технические специалисты. Эти новые приложения, как они надеются, будут полезны в решении различных проблем со здоровьем. Но люди, на самом деле, не хотят нагромождения специализированных приложений в своих телефонах: они предпочитают находить новые способы использования тех приложений, которыми пользуются постоянно. Люди пользуются Google, WhatsApp, Google Maps и используют их каждый день как средство для поддержания здоровья. Когда кто-то серьезно заболевает, родственники и друзья создают группу в WhatsApp, чтобы поддержать заболевшего.

Раньше казалось, что такие практики не приносят прибыли. Поэтому и исследований было мало. Компании, конечно, заинтересованы в том, что может принести им деньги, поэтому склонны пренебрегать другими вещами.

И в этом контексте вы разработали какие-то новые термины и понятия? Например, ввели ли вы обратное значение термина «умный»? Или вы скорее предлагаете нам самим отправиться в поле и увидеть то яркое многообразие, что мы можем там увидеть?

Конечно, мы верим в этнографию. Хотя мы называем это «глобальным смартфоным проектом», на самом деле мы работаем только в десяти разных точках мира. Я имею в виду, что если вы хотите понять людей, которых мы не изучали (а это большая часть мира), вы не сможете пойти и изучить их всех. Вот почему на основе этих десяти нам нужно разработать аналитические предположения и теорию.

Мы работаем над заключительной главой книги «Смартфон по всему миру», и действительно придумываем термины, которые включают некоторые из этих общих теоретических разработок. «Непрерывный оппортунизм» — это понятие означает, что главным следствием использования смартфонов являются различные отношения, которые люди строят с окружающим миром, потому что, где бы вы ни были, вы всегда можете быть оппортунистом. Вы можете спонтанно перемещаться из одного места в другое, вы можете делать фотографии сразу, когда захотите. Вы натываетесь на что-то и можете сразу найти об этом информацию, вам не нужно думать об этом заранее. Вы

действительно можете быть оппортунистом, в том смысле, в каком не были раньше.

«Транспортируемый дом» — понятие, которое, как мы утверждаем, гораздо лучше подходит для понимания смартфонов: можно думать о них как о чем-то, внутри чего вы на самом деле живете, а не как о внешнем устройстве. Это напоминает дом улитки, который мы носим с собой и в который всегда можем вернуться, где бы мы ни находились. Я считаю, что это полезная аналогия, но смартфон — не только дом. Он также портал, который соединяет нас с чем-либо или кем-либо по всему миру, поэтому это именно «транспортируемый дом», а не просто дом.

Но разве это не звучит как нечто метафорическое?

◀ Я думаю, что метафора — это прекрасный подход к построению теории!

Теория — это место стихийного бедствия в некоторых науках. Мы чувствуем, как она отдалается от нашего материала. Теория стала зависеть, главным образом, от цитирования признанных исследователей-теоретиков, и часто — через абстракцию, которая, на самом деле, больше запутывает и делает вещи менее понятными. Теория с самого начала была инструментом, помогающим нам, но сейчас она стала фетишем. Теперь мы работаем ради служения этому божеству теории. «Какой вклад вы внесли в теорию?». Мы спрашиваем наших студентов: «Достаточно ли теории в вашем эссе?».

Этот теоретический фетишизм часто происходит в квазирелигиозной обстановке, когда ученые пытаются стать священниками: все остальные должны склониться перед ними, поскольку только они являются промежуточными звеньями к божественному знанию, недоступному простым смертным. Поэтому вместо того, чтобы использовать теорию как слугу, мы сами становимся ее слугами! Это классический пример того, как работает фетишизм.

Нам необходимо вернуться к первоначальному идеалу, где теория — это то, что служит нам, помогает объяснять и понимать изучаемые нами явления. На самом деле, я рассматриваю метафору как очень хороший способ прояснения. Надеюсь, что «транспортируемый дом» или «непрерывный оппортунизм» смогут работать таким образом.

У меня есть два взаимосвязанных вопроса: кто эти «мы», и где же этот золотой век, когда теория служила нам?

◀ Использование местоимения «мы» абсолютно естественно для того, о чем я говорю. Мы — это все. Каждый имеет право на то, чтобы лучше понимать, что такое смартфон. Такова была

изначальная цель образования. В рамках проекта Why We Post мы написали книги на простом английском языке и выложили их в открытый бесплатный доступ. В результате вместо 300 читателей, которым нужно было прочитать книгу, чтобы сдать экзамен, ее скачали 870 000 раз. Поэтому я думаю, что очень важно говорить «мы», и образование — это информирование всех, даже если у кого-то нет такой привилегии, как обучение в университете.

Теперь ответ на ваш второй вопрос о золотом веке. На самом деле это было не так уж и давно. По крайней мере, в отношении антропологии. Я был воспитан на трудах таких людей, как Клиффорд Гирц или антропологи 1950–1960-х годов, которые еще писали с большой степенью прозрачности. Если вы посмотрите на их библиографии, то заметите, что они довольно маленькие, и я не думаю, что в середине XX века вообще цитировали великих теоретиков. Но антропологи вроде Гирца, по-моему, добились явных теоретических успехов. Клиффорд Гирц мог бы объяснить, например, религию Явы, он помог бы вам понять расслоения в истории или написал бы что-нибудь о сельскохозяйственной инволюции и о том, как сельское хозяйство и экология развиваются, несмотря на то, что это выходило бы далеко за рамки его конкретного исследования. На этом этапе теория остается просто ясным изложением как фактов, так и выводов и вытекающих из них обобщений, которые помогают другим людям, работающим в других местах, объяснить свои собственные антропологические находки и, следовательно, внести свой вклад в развитие образования. Книга Гирца «Интерпретация культур» — это настольная книга для многих людей вне антропологии и даже вне академических кругов. Для них эта книга оказалась читабельной, и она смогла дать им некоторое понимание.

Теоретический фетишизм в действительности стал развиваться с 1960-х годов. Следовательно, это то, что еще можно отвергнуть. Еще не слишком поздно.

Звучит довольно... оптимистично, да. Но если вернуться на 15 минут назад — мы начали с критики концепций и слов, которые используем для описания чего-либо, например, смартфона или старения. И в этом смысле мне интересно, где вы остановитесь: вы хотите переосмыслить смартфон, но в то же время существуют такие неизменные вещи, как, например, «большой город» и «мегаполис», и они повсюду. Значит ли это, что есть устоявшиеся понятия, введенные предыдущими теоретиками, или вы используете эти слова, например, «город», в их общепринятом смысле?

◀ Это не наша обязанность. Наша первая обязанность обусловлена надежностью наших материалов. Когда мы обобщаем или делаем теоретическое предположение (а также когда отказываемся его делать) — это прежде всего потому, что, взяв всю эту массу

доказательств (10 человек, которые провели 16 месяцев на полевых участках — огромное количество материала), мы видим, что уместно обдумать наши выводы. Как только мы это сделали, тогда, очевидно, нам следует вернуться к полевой работе и другим видам доказательств.

Например, мы не можем видеть следствия политической экономики, когда работаем в деревне, хотя на уровне страны такие следствия мы можем ожидать увидеть. Если мы работаем с современной литературой и, например, понятием «общество тотальной слежки», т. к. в поле мы не работаем напрямую с корпорациями, мы также не видим, как устроен контроль с их стороны. Мы можем видеть только реакцию людей на это, их дискурсы, их беспокойство по этому поводу. Но это не то, что мы видим непосредственно. И все же понимание трансформаций мира в отношении смартфона не было бы полным, если бы мы не учитывали беспокойства такого рода. При исследовании таких вещей, как тотальная слежка, вы работаете, в первую очередь, с доказательствами, которые у вас действительно есть, а затем пытаетесь открыто признать пробелы в своей собственной методологии.

У нас есть только этнографическая перспектива. Поэтому позже, когда мы сядем писать текст, нам нужно будет подумать: а) как мы подтверждаем другую работу, которая ведется, и признаем других исследователей, которые изучают телефонные компании или их слежку, и б) какова будет соответствующая ценность нашей работы по отношению к их работе?

Как в китайском поле, верно?

◀ Да, в последнее время одни из главных дебатов разворачиваются вокруг влияния этой новой цифровой технологии, которой является смартфон, на то, что называется системой социального кредита в Китае.

Система социального кредита в Китае очень волнует людей. Потому что это похоже на последнюю итерацию страхов, которые мы видим в таких книгах, как «1984», или в эпизодах «Черного зеркала». Своего рода антиутопическая диктатура, где Большой Брат в лице китайского государства знает о вас все, но использует это знание для личного контроля. Они могут остановить вас даже сейчас, когда вы покупаете билеты на самолет или поезд, или ограничить ваши возможности трудоустройства и т. д. И это нас не удивляет. Однако, когда вы читаете об этих событиях, один из главных предметов спора обнаруживается подспудно: «О, люди, словно лунатики, идут на это, они не понимают, что происходит. Как так получается, что они всегда соглашаются с условиями использования? Как получается, что они отдают свои данные без протеста? Правда ли, что люди невежественны? Неужели они не понимают?». И так далее.

Таким образом, мы не сбрасываем полностью со счетов исследования о развитии таких вещей, как система социального кредита, а также тревогу, вызываемую ими. В журнале *The conversation* один из наших полевых сотрудников Синьюань Ванг опубликовал статью, которая позволяет понять, как люди в Китае относятся к этому.

Ванг обнаружил, что в некоторых случаях обычные люди в Китае считают такие сервисы хорошим признаком или могут рассматривать их как способ, с помощью которого Китай догоняет Запад. Это не умаляет значения критики социального кредита, но важно понимать, что люди в Китае могут совершенно иначе воспринимать значение этих инструментов. Мы проецируем свои представления на них извне. Таким образом, можно добиться более тонкого и сложного разговора между теми, кто исследует взгляды обычных людей, и теми, кто исследует корпорации, государства и более широкое поле политической экономики. Вместо того, чтобы оставаться в неведении относительно другого, стоит вступить в разговор, где каждая сторона попытается понять позицию соседа.

Но как и где вы встречаете некий абстрактный западный и китайский взгляд на социальный кредит?

Мы должны думать не только о практиках изучаемых людей, но и об их дискурсе. Одна из ключевых вещей, о которых мы пишем в нашей книге — это то, как согласовывать эти две категории, потому что часто они очень разные. Мы сталкиваемся с этим, когда работаем в поле и спрашиваем людей о смартфоне. Когда их спрашиваешь, они говорят именно то, о чем говорят СМИ. Они могут говорить о фейковых новостях, слежке, интеллекте, извлечении данных и т. д. Они говорят, что мы зависим от смартфона, что никто больше не разговаривает друг с другом.

И эти же люди, как только вы начнете вглядываться в детали и смотреть, как они используют специальные приложения типа веб-камер или карт, меняют тон и становятся невероятными энтузиастами: «О, это удивительно, теперь я могу говорить со своей семьей здесь, я могу это сделать», — и так далее. Таким образом, у вас есть общие и зачастую негативные дискурсы, и в то же время более конкретные и позитивные личные наблюдения. Поэтому одна из задач, которую мы должны решить — как согласуются эти различные формы доказательств.

Мы не можем писать о практиках, игнорируя слова людей, и не можем говорить о сказанном ими, например, в интервью, игнорируя практики. Нам нужно признать наличие противоречий и дилемм, когда, например, вы действительно верите, что существуют невероятно позитивные или невероятно негативные последствия использования этого устройства. Почему, скажем, в некоторых регионах дискурс негативный и предполагается, что пожилым людям трудно

пользоваться смартфонами, в то время как, например, в Китае дискурс более позитивный, и там пожилые люди считают своим гражданским долгом содействовать популяризации смартфонов? Когда мы пишем книгу, обе эти вещи должны быть хорошо представлены в работе. Поэтому наша книга не может быть ни допускающей, ни отрицающей. На самом деле самое интересное — то, как люди сами согласовывают свои собственные практики и дискурсы. А это очень сложный вопрос.

Насколько я помню пост в вашем блоге о Камеруне, в нем говорилось о проблеме понимания смартфона как отдельного объекта. Сегодня вы утверждаете, что смартфон — скорее социальный объект, и я подумала об этой разнице между индивидуальным, общественным и социальным. Вероятно, вы оспариваете и эти термины?

◀ Это один из центральных вопросов книги, над которой мы сейчас работаем. Я думаю, есть соблазн предположить, что при изучении смартфона, который является интимной вещью и достаточно хорошо отражает индивидуальность, мы должны сосредоточиться на личности. А смартфоны действительно могут выражать индивидуальность человека. Поэтому мы начинаем с личности.

Возьмем, к примеру, человека очень профессионального, очень организованного. Вы смотрите на его смартфон, и он похож на инструкцию к жизни, в которой есть вся информация о том, как достигнуть цели: в календаре, заметках, фотографиях бланков и встреч. Вы действительно можете выразить свой профессионализм через организацию собственного смартфона. В то же время у вас есть очень мужественный потомственный рыбак, выражающий свою маскулинность через отказ от использования смартфона: он использует его только для самого важного. Например, когда его дочь в отъезде, он общается с ней по скайпу, но как только она возвращается, пользоваться скайпом больше нет необходимости. Таким образом, ваш прагматизм, ваш функционализм снова позволяет смартфону выразить вас как то, что мы бы назвали личностью. Но является ли это только индивидуальной особенностью? Когда мы говорим о маскулинности, как в примере с рыбаком, который я только что привел, мы говорим о более широком габитусе, культурных традициях, в рамках которых сформировались гендер и гендерные различия. То, как мы видим себя в смартфоне, начинается на уровне индивида. Но дальше мы понимаем, что индивид является микрокосмом более широкого габитуса, который можно называть социальным и культурным. Поэтому телефон является выразителем чего-то гораздо большего.

То есть телефон не так уж и индивидуален. Мы можем посмотреть на полевой материал из Уганды — там только 8% имеют свой собственный телефон. Остальные 92% телефонов фактически являются общими. Другой пример — кому принадлежит группа WhatsApp? Группа

WhatsApp фактически не существует как индивидуальное явление. По самому своему определению это группа, которая является общей. В этом случае не телефон, а контент может быть общим.

Часто смартфоны можно понять только в паре. Вы приходите к женщине и говорите: «О, вы пользуетесь этими приложениями, но совсем не используете банковские приложения». А она вам отвечает: «Финансами занимается мой муж, на своем смартфоне». Поэтому ее телефон сложнее понять без связи с телефоном ее мужа. Потом вы смотрите на его смартфон и не находите там социальных сетей, и он говорит: «О, моя жена ведет все социальные сети, я ненавижу этим заниматься». Муж занимается финансами вместо жены, а жена — социальным общением вместо мужа. Что в этом случае должно рассматриваться в качестве единицы измерения — телефон одного человека или два телефона семейной пары?

В том-то и дело, что вам нужно понять — перед вами общее явление, или то, что вы считаете индивидуальным, является микрокосмом более широкого культурного габитуса. И в обоих случаях антропологи стремятся удостовериться, что они не заикливаются на кажущемся индивидуализме, т. к. на самом деле, если смотреть глубже, его там нет.

А встречались ли вам результаты, противоречащие тому, что вы узнали на проекте Why We Post?

Я думаю, что это в какой-то мере вытекает из предыдущего ответа. Когда мы работали над Why We Post, мы четко понимали, что полученные данные во многом не соответствуют известной книге Ли Рэйни и Барри Уэллмана, в которой рассматривается рост индивидуализированного сетевого общения. Большая часть нашей работы о социальных сетях, кажется, предполагает, что на самом деле социальные медиа в основном используются для возвращения групп, а не для поощрения индивидуализма. Однако в моем последнем ответе мы больше наблюдали равновесие между этими вещами. С одной стороны, смартфон отражает более широкие социальные и культурные нормы. Но также верно и то, что он удивительно чувствителен к конкретному человеку, работающей женщине-профессионалу или прагматичному мужчине. Потому что, купив смартфон, вы можете полностью изменить его конфигурацию, а некоторые из его приложений начнут подстраиваться под вас, исходя из вашего поведения. Таким образом, смартфон стал более индивидуализированным устройством на одном из уровней.

Другое важное отличие [от книги Рэйни и Уэллмана] заключается в том, что смартфон является концом социальных медиа как некой отдельной сущности. Это распространяется и на понятие «масштабируемой социальности». Как только у вас появился современный

смартфон, вы уже не можете сказать, что является социальным медиа, а что нет, потому что у вас есть телефонные звонки, текстовые сообщения и WhatsApp. Является ли все это социальными медиа или нет? Instagram^{*1}, Twitter, Facebook^{*} и так далее — все это сливается воедино. Просто у вас есть целый ряд различных форм общения и социальнойности, все они присутствуют в качестве приложений на смартфоне. Отдельное измерение, которое мы могли бы назвать социальными медиа и которое имело бы свои границы, вероятно, теперь является историческим.

Насколько я помню из Why We Post, вы изучали и онлайн, и офлайн опыт и практики, и мне интересно, меняет ли исследовательскую практику акцент на смартфоны?

Да, думаю, что это меняется в одном конкретном случае: мы не смогли бы проделать эту работу, не добавив еще один метод к тому, как мы работали раньше. В социальных сетях, по крайней мере, вы можете присоединиться к этим платформам и участвовать, но в целом вы понятия не имеете, что происходит на смартфоне человека, большая часть которого не имеет ничего общего с социальными сетями.

Более того, даже если вы возьмете интервью у пользователя и спросите его, может оказаться, что он имеет лишь ограниченное представление о том, что находится в его смартфоне. Поэтому одна из вещей, которую, мне кажется, мы обязаны сделать в рамках нашей работы, — это просто сказать людям: «Вы не возражаете, если мы пролистаем ваш смартфон и проанализируем каждое приложение, которое на нем есть, и на основе этого проведем с вами беседу?». Потому что (если вы этого не сделали) есть множество способов использования смартфона, о которых люди даже не говорят. Разумеется, мы получаем согласие, объясняем и делаем так, чтобы людям было удобно. Но если вам доступен такой метод — открыть телефон и буквально просмотреть одно приложение за другим, вы можете спросить у пользователя: «Интересно, у вас есть Duolingo, вы так изучаете другой язык? Для чего вам изучение нового языка?». И вам ответят: «О, да, я планирую поехать в Испанию и хочу улучшить свой испанский», — и так далее.

Смартфоны, на самом деле, представляют собой конфигурацию приложений, которые человек решил скачать. И это то, о чем мы не думали с самого начала. Мы не склонны использовать количественные методы, но мы использовали их в качестве основы для бесед. Именно это привело нас к пониманию того, что, например, этот конкретный человек одержим парусным спортом. Семь его приложений были связаны с парусным спортом.

---

¹ Здесь и далее звездочкой* отмечено упоминание социальных сетей, принадлежащих компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией. — *Прим. ред.*

Это может показаться банальным, но смартфон сам по себе не самая локальная вещь, и когда вы говорите о разных значениях для разных людей, как вы устанавливаете границу между локациями?

Мы рассматриваем это через нашу концепцию «транспортируемого дома». Например, часть нашей работы сосредоточена на мигрантах. Исследование в Милане (Италия) почти полностью посвящено им, а также исследование в Сантьяго (Чили). Одним из преимуществ такого взгляда является помощь в ответе на вопрос о том, как меняется само ощущение местоположения.

Устройство, которое является мобильным, дает вам возможность быть в центре города, например, в Шанхае, и при этом проводить большую часть времени, общаясь с диаспорой, живущей в Швеции или Англии. Важно не то, что вы находитесь в деревне или в городе, а то, что вы позволили смартфону облегчить вам доступ к социальным медиа, которые используются независимо от расстояния. Не важно, живут ли ваши близкие рядом или далеко: где бы вы ни находились, вы можете использовать смартфон в качестве портала, чтобы напрямую связаться с ними.

Это не значит, что смартфон разрушает чувство локальности. На самом деле он может быть использован для его создания. Возьмем, к примеру, футбол. Когда кто-то в Камеруне начинает рабочий день, он может написать коллеге в чате: «О, “Челси” играл очень скверно, а “Арсенал” сыграл блестяще...». Это их локальный разговор, каждый, кто приходит на работу, имеет свое мнение о том, что произошло в Английской Премьер-Лиге в эти выходные. Таким образом, смартфон, с одной стороны, глобален, и любой человек в мире может почувствовать себя причастным к большим спортивным событиям, но, с другой стороны, он также помогает людям использовать эту глобальную связь для локальных целей.